

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ

(Перевод Л. А. Дмитриева)

I

Есть в Русской земле город, называемый Муромом. Правил в нем когда-то благоверный князь по имени Павел. Дьявол же, искони ненавидящий род человеческий, сделал так, что злой крылатый змей стал летать к жене того князя на блуд. И волшебством своим перед ней он являлся таким, каким был на самом деле, а приходящим людям представлялось, будто это сам князь сидит со своей женой. Долго продолжалось такое наваждение. Жена же этого не скрывала и рассказала о всем, что с ней произошло, князю, мужу своему. А злой змей силой овладел ею.

Князь стал думать, как поступить со змеем, но был в недоумении. И вот говорит жене: "Раздумываю, жена, но не могу придумать, чем одолеть этого злодея? Не знаю – как убить его? Когда станет он говорить с тобой, спроси, обольщая его, вот о чем: ведает ли этот злодей сам – от чего ему смерть должна приключиться? Если узнаешь об этом и нам поведаешь, то освободишься не только в этой жизни от злосмрадного дыхания и шипения его и всего этого бесстыдства, о чем даже говорить срамно, но и в будущей жизни нелицемерного судью, Христа, тем умилостивишь". Слова мужа своего жена накрепко запечатлела в сердце своем, и решила она: "Обязательно сделаю так".

И вот однажды, когда пришел к ней этот злой змей, она, крепко храня в сердце слова мужа, обращается к этому злодею с льстивыми речами, говоря о том и о другом, а под конец с почтением, восхваляя его, спрашивает: "Много всего ты знаешь, а знаешь ли про смерть свою – какой она будет и от чего?" Он же, злой обманщик, обманут был простительным обманом верной жены, ибо, пренебрегши тем, что тайну ей открывает, сказал: "Смерть мне суждена от Петрова плеча и от Агрикова меча". Жена же, услышав эти слова, накрепко запомнила их в сердце своем и, когда этот злодей ушел, поведала князю, мужу своему, о том, что сказал ей змей. Князь же, услышав это, недоумевал – что значит: смерть от Петрова плеча и от Агрикова¹ меча?

А у князя был родной брат по имени Петр. Как то Павел позвал его к себе и стал говорить ему о словах змея, которые тот сказал жене его. Князь же Петр, услышав от брата своего, что змей назвал того, от чьей руки ему надлежит умереть его именем, стал думать без колебаний и сомнений, как убить змея. Только одно смущало его – не ведал он ничего об Агриковом мече.

Было у Петра в обычае ходить в одиночестве по церквам. А за городом стояла в женском монастыре церковь Воздвижения честного и животворящего креста. Пришел он в нее один помолиться. И вот явился ему отрок, говоря: "Княже! Хочешь, я покажу тебе Агриков меч?" Он же, стремясь исполнить задуманное, ответил: "Да увижу, где он!" Отрок же сказал: "Иди вслед за мной". И показал князю в алтарной стене меж плитами щель, а в ней лежит меч. Тогда благоверный князь Петр взял тот меч, пошел к брату и поведал ему о всем. И с того дня стал искать подходящего случая, чтобы убить змея.

Каждый день Петр ходил к брату своему и к снохе своей, чтобы отдать поклон им. Раз случилось ему прийти в покои к брату своему, и сразу же от него пошел он к снохе своей, в другие покои, и увидел, что брат его у нее сидит. И, пойдя от нее назад, встретил он одного

¹ Агрик – сказочный богатырь, владевший мечом-кладенцом.

из слуг брата своего и сказал ему: "Вышел я от брата моего к снохе моей, а брат мой остался в своих покоях, и я, нигде не задерживаясь, быстро пришел в покои к снохе моей и не понимаю и удивляюсь, каким образом брат мой очутился раньше меня в покоях снохи моей?" Тот же человек сказал ему: "Господин, никуда после твоего ухода не выходил твой брат из покоев своих!" Тогда Петр уразумел, что это козни лукавого змея. И пришел он к брату и сказал ему: "Когда это ты сюда пришел? Ведь я, когда от тебя из этих покоев ушел и, нигде не задерживаясь, пришел в покои к жене твоей, то увидел тебя сидящим с нею и сильно удивился, как ты пришел раньше меня. И вот снова сюда пришел, нигде не задерживаясь, ты же, не понимаю как, меня опередил и раньше меня здесь оказался?" Павел же ответил: "Никуда я, брат, из покоев этих, после того как ты ушел, не выходил и у жены своей не был". Тогда князь Петр сказал: "Это, брат, козни лукавого змея – тобою мне является, чтобы я не решился убить его, думая, что это ты – мой брат. Сейчас, брат, отсюда никуда не выходи, я же пойду туда биться со змеем, надеюсь, что с Божьей помощью будет убит лукавый этот змей".

И, взяв меч, называемый Агриковым, пришел он в покои к снохе своей и увидел змея в образе брата своего, но твердо уверившись в том, что не брат это его, а коварный змей, ударил его мечом. Змей же, обратившись в свое естественное обличье, затрепетал и умер, и обрызгал он блаженного князя Петра своей кровью. Петр же от зловредной той крови покрылся струпьями, и появились на теле его язвы, и охватила его тяжкая болезнь. И пытался он у многих врачей во владениях своих найти исцеление, но ни один не вылечил его.

II

Прослышал Петр, что в Рязанской земле много врачей, и велел везти себя туда – из-за тяжелой болезни сам он сидеть на коне не мог. И когда привезли его в Рязанскую землю, то послал он всех приближенных своих искать врачей.

Один из княжеских отроков забрел в село, называемое Ласково. Пришел он к воротам одного дома и никого не увидел. И зашел в дом, но никто не вышел ему навстречу. Тогда вошел он в горницу и увидел удивительное зрелище: за ткацким станом сидела в одиночестве девушка и ткала холст, а перед нею скакал заяц.

И сказала девушка: "Плохо, когда дом без ушей, а горница без очей!" Юноша же, не поняв этих слов, спросил девушку: "Где хозяин этого дома?" На это она ответила: "Отец и мать мои пошли взаимы плакать, брат же мой пошел сквозь ноги смерти в глаза глядеть".

Юноша же не понимал слов девушки, дивился, видя и слыша подобные чудеса, и спросил у девушки: "Вошел я к тебе и увидел, что ты ткешь, а перед тобой заяц скачет, и услышал я из уст твоих какие-то странные речи и не могу уразуметь, что ты говоришь. Сперва ты сказала: плохо, когда дом без ушей, а горница без очей. Про отца же и мать сказала, что они пошли взаимы плакать, про брата же сказала – "сквозь ноги смерти в глаза смотрит". И не единого слова твоего я не понял!"

Она же сказала ему: "И этого-то понять не можешь! Пришел ты в дом этот, и в горницу мою вошел, и застал меня в неприбранном виде. Если бы был в нашем доме пес, то учуял бы, что ты к дому подходишь, и стал бы лаять на тебя: это – уши дома. А если бы был в горнице моей ребенок, то, увидя, что идешь в горницу, сказал бы мне об этом: это – очи дома. А то, что я сказала тебе про отца и мать и про брата, что отец и мать пошли взаимы плакать – это пошли они на похороны и там оплакивают покойника. А когда за ними смерть придет, то другие их будут оплакивать: это – плач взаимы. Про брата же тебе так сказала потому, что

отец мой и брат – древолазы, в лесу по деревьям мед собирают. И сегодня брат мой пошел бортничать, и когда он полезет вверх на дерево, то будет смотреть сквозь ноги на землю, чтобы не сорваться с высоты. Если кто сорвется, тот ведь с жизнью расстанется. Поэтому я и сказала, что он пошел сквозь ноги смерти в глаза глядеть".

Говорит ей юноша: "Вижу, девушка, что ты мудра. Назови мне имя свое". Она ответила: "Зовут меня Феврония". И тот юноша сказал ей: "Я слуга муромского князя Петра. Князь же мой тяжело болен, в язвах. Покрылся он струпиями от крови злого летучего змея, которого он убил своєю рукою. В своем княжестве искал он исцеления у многих врачей, но никто не смог вылечить его. Поэтому повелел он сюда себя привезти, так как слышал, что здесь много врачей. Но мы не знаем ни имен их, ни где они живут, поэтому и спрашиваем о них". На это она ответила: "Если бы кто-нибудь потребовал твоего князя себе, тот мог бы вылечить его". Юноша же сказал: "Что это ты говоришь – кто может потребовать моего князя себе! Если кто вылечит его, того князь богато наградит. Но назови мне имя врача того, кто он и где дом его". Она же ответила: "Приведи князя твоего сюда. Если будет он чистосердечным и смиренным в словах своих, то будет здоров!" Юноша быстро возвратился к князю своему и подробно рассказал ему о всем, что видел и что слышал. Благоверный же князь Петр повелел: "Везите меня туда, где эта девица". И привезли его в тот дом, где жила девушка. И послал он одного из слуг своих, чтобы тот спросил: "Скажи мне, девица, кто хочет меня вылечить? Пусть вылечит и получит богатую награду". Она же без обиняков ответила: "Я хочу его вылечить, но награды никакой от него не требую. Вот к нему слово мое: если не стану супругой ему, то не подобает мне и лечить его". И вернулся человек тот и передал князю своему, что сказала ему девушка.

Князь же Петр с пренебрежением отнесся к словам ее и подумал:

"Ну как это можно – князю дочь древолаза взять себе в жены!" И послал к ней, молвив: "Скажите ей – пусть лечит как умеет. Если вылечит, возьму ее себе в жены". Пришли к ней и передали эти слова. Она же, взяв небольшую плошку, зачерпнула из дёжи² хлебной закваски, дунула на нее и сказала: "Пусть истопят князю вашему баню, и пусть он помажет этим все тело свое, где есть струпия и язвы. А один струп пусть оставит непомазанным. И будет здоров!"

И принесли князю эту мазь; и велел он истопить баню. Девушку же он захотел испытать в ответах – так ли она мудра, как он слышал о речах ее от отрока своего. Послал он к ней с одним из своих слуг небольшой пучок льна, говоря так: "Эта девица хочет стать моей супругой ради мудрости своей. Если она так мудра, пусть из этого льна сделает мне сорочку, и одежду, и платок за то время, пока я в бане буду". Слуга принес Февронии пучок льна и, вручив его ей, передал княжеский наказ. Она же сказала слуге: "Влезь на нашу печь и, сняв с грядки³ поленце, принеси сюда". Он, послушав ее, принес поленце. Тогда она, отмерив пядью, сказала: "Отруби вот это от поленца". Он отрубил. Она говорит ему: "Возьми этот обрубок поленца, пойд и дай своему князю от меня и скажи ему: за то время, пока я очешу этот пучок льна, пусть князь твой смастерит из этого обрубка ткацкий стан и всю остальную снасть, на чем будет ткаться полотно для него". Слуга принес к своему князю обрубок поленца и передал слова девушки. Князь же говорит: "Пойди скажи девушке, что невозможно из такой маленькой чурочки за такое малое время смастерить то, чего она просит!" Слуга пришел и передал ей слова князя. Девушка же на это ответила: "А разве

² Дёжа – кадка, в которой квасили и месили тесто.

³ Грядка – здесь: уступ на печке.

возможно – взрослому мужчине из одного пучка льна, за то малое время, пока он будет в бане мыться, сделать сорочку, и платье, и платок?" Слуга ушел и передал эти слова князю. Князь же подивился ответу ее.

Потом князь Петр пошел в баню мыться и, как наказывала девушка, мазью помазал язвы и струпы свои. А один струп оставил непомазанным, как девушка велела. И когда вышел из бани, то уже не чувствовал никакой болезни. Наутро же глядит – все тело его здорово и чисто, только один струп остался, который он не помазал, как наказывала девушка. И дивился он столь быстрому исцелению. Но не захотел он взять ее в жены из-за происхождения ее, а послал ей дары. Она же не приняла.

Князь Петр поехал в вотчину свою, город Муром, выздоровевшим. Лишь оставался на нем один струп, который был не помазан по повелению девушки. И от того струпа пошли новые струпы по всему телу с того дня, как поехал он в вотчину свою. И снова покрылся он весь струпами и язвами, как в первый день.

И опять возвратился князь на испытанное лечение к девушке. И когда пришел к дому ее, то со стыдом послал к ней, прося исцеления. Она же, нимало не гневаясь, сказала: "Если станет мне супругом, то исцелится". Он же твердое слово дал ей, что возьмет ее в жены. И она снова, как и прежде, то же самое лечение определила ему, о каком я уже писал раньше. Он же, быстро исцелившись, взял ее себе в жены. Таким-то вот образом стала Феврония княгиней.

И прибыли они в вотчину свою, город Муром, и начали жить благочестиво, ни в чем не преступая Божии заповеди.

III

По прошествии недолгого времени князь Павел скончался. Благоверный же князь Петр после брата своего стал самодержцем в городе своем.

Бояре, по наущению жен своих, не любили княгиню Февронию, потому что стала она княгиней не по происхождению своему; Бог же прославил ее ради доброго ее жития.

Однажды пришел один ближний боярин⁴ к благоверному князю Петру и наговорил на нее: "Каждый раз, – говорил он, – окончив трапезу, не по чину из-за стола выходит: перед тем как встать, собирает в руку крошки, будто голодная!" И вот благоверный князь Петр, желая ее испытать, повелел, чтобы она пообедала с ним за одним столом. И когда кончился обед, она, по обычаю своему, собрала крошки в руку свою. Тогда князь Петр взял Февронию за руку и, разжав ее, увидел ладан благоухающий и фимиам. И с того дня он ее больше никогда не испытывал.

Минуло немалое время, и вот однажды пришли к князю бояре его во гневе и говорят: "Княже, готовы мы все верно служить тебе и тебя самодержцем иметь, но не хотим, чтобы княгиня Феврония повелевала женами нашими. Если хочешь оставаться самодержцем, пусть будет у тебя другая княгиня. Феврония же, взяв богатства, сколько пожелает, пусть уходит куда захочет!" Блаженный же Петр, в обычае которого было ни на что не гневаться, с кротостью ответил: "Скажите об этом Февронии, послушаем, что она ответит".

Неистовые же бояре, потеряв стыд, задумали устроить пир. Стали пировать, и вот, когда опьянели, начали вести свои бесстыдные речи, словно псы лающие, отрицая Божий дар святой Февронии исцелять, которым Бог наградил ее и по смерти. И говорят они: "Госпожа

⁴ Ближний боярин – доверенное лицо князя, один из его советников.

княгиня Феврония! Весь город и бояре просят у тебя: дай нам, кого мы у тебя попросим!" Она же в ответ: "Возьмите, кого просите!" Они же, как едиными устами, промолвили: "Мы, госпожа, все хотим, чтобы князь Петр властвовал над нами, а жены наши не хотят, чтобы ты господствовала над ними. Взяв сколько тебе нужно богатств, уходи куда пожелаешь!" Тогда она сказала: "Обещала я вам, что, чего ни попросите – получите. Теперь я вам говорю: обещайте мне дать, кого я попрошу у вас". Они же, злодеи, обрадовались, не зная, что их ждет, и поклялись: "Что ни назовешь, то сразу беспрекословно получишь". Тогда она говорит: "Ничего иного не прошу, только супруга моего, князя Петра!" Они же ответили: "Если сам захочет, ни слова тебе не скажем". Враг помутил их разум – каждый подумал, что, если не будет князя Петра, придется ставить другого самодержца: а ведь в душе каждый из бояр надеялся самодержцем стать.

Блаженный же князь Петр не захотел нарушить Божиих заповедей ради царствования в жизни этой, он по Божьим заповедям жил, соблюдая их, как богогласный Матфей в своем Благовествовании вещает. Ведь сказано, что если кто прогонит жену свою, не обвиненную в прелюбодеянии, и женится на другой, тот сам прелюбодействует. Сей же блаженный князь по Евангелию поступил: пренебрег княжением своим, чтобы заповеди Божьей не нарушить.

Злочестивые бояре эти приготовили для них суда на реке – под этим городом протекает река, называемая Окой. И вот поплыли они по реке в судах. В одном судне с Февронией плыл некий человек, жена которого была на этом же судне. И человек этот, искушаемый лукавым бесом, посмотрел на святую с помыслом. Она же, сразу угадав его дурные мысли, обличила его, сказав ему: "Зачерпни воды из реки сей с этой стороны судна сего". Он почерпнул. И повелела ему испить. Он выпил. Тогда сказала она снова: "Теперь зачерпни воды с другой стороны судна сего". Он почерпнул. И повелела ему снова испить. Он выпил. Тогда она спросила: "Одинакова вода или одна слаще другой?" Он же ответил: "Одинаковая, госпожа, вода". После этого она промолвила: "Так и естество женское одинаково. Почему же ты, позабыв про свою жену, о чужой помышляешь?" И человек этот, поняв, что она обладает даром прозорливости, не посмел больше предаваться таким мыслям.

Когда, приспел вечер, пристали они к берегу и начали устраиваться на ночлег. Блаженный же князь Петр задумался: "Что теперь будет, коль скоро я по своей воле от княженья отказался?" Предивная же Феврония говорит ему: "Не скорби, княже, милостивый Бог, творец и заступник всех, не оставит нас в беде!"

На берегу тем временем на ужин князю Петру готовили еду. И повар его обрубил маленькие деревца, чтобы повесить на них котлы. А когда закончился ужин, святая княгиня Феврония, ходившая по берегу и увидевшая обрубки эти, благословила их, сказав: "Да будут они утром большими деревьями с ветвями и листвою". Так и было: встали утром и нашли вместо обрубков большие деревья с ветвями и листвою.

И вот когда люди собрались грузить с берега на суда пожитки, то пришли вельможи из города Мурома, говоря: "Господин наш князь! От всех вельмож и от жителей всего города пришли мы к тебе, не оставь нас, сирот твоих, вернись на свое княжение. Ведь много вельмож погубило в городе от меча. Каждый из них хотел властвовать, и в распри друг друга перебили. И все уцелевшие вместе со всем народом молят тебя: господин наш князь, хотя и прогневали и обидели мы тебя тем, что не захотели, чтобы княгиня Феврония повелевала женами нашими, но теперь, со всеми домочадцами своими, мы рабы ваши и хотим, чтобы были вы, и любим вас, и молим, чтобы не оставили вы нас, рабов своих!"

Блаженный князь Петр и блаженная княгиня Феврония возвратились в город свой. И правили они в городе том, соблюдая все заповеди и наставления Господние безупречно,

молясь беспрестанно и милостыню творя всем людям, находившимся под их властью, как чадолюбивые отец и мать. Ко всем питали они равную любовь, не любили жестокости и стяжательства, не жалели тленного богатства, но богатели Божьим богатством. И были они для своего города истинными пастырями, а не наемниками. А городом своим управляли со справедливостью и кротостью, а не с яростью. Странников принимали, голодных насыщали, нагих одевали, бедных от напастей избавляли.

IV

Когда пришло время благочестивого преставления их, умолили они Бога, чтобы в одно время умереть им. И завещали, чтобы их обоих положили в одну гробницу, и велели сделать из одного камня два гроба, имеющих меж собою тонкую перегородку. В одно время приняли они монашество и облачились в иноческие одежды. И назван был в иноческом чину блаженный князь Петр Давидом, а преподобная Феврония в иноческом чину была названа Ефросинией.

В то время когда преподобная и блаженная Феврония, нареченная Ефросинией, вышивала лики святых на воздухе для соборного храма пречистой Богородицы, преподобный и блаженный князь Петр, нареченный Давидом, послал к ней сказать: "О сестра Ефросиния! Пришло время кончины, но жду тебя, чтобы вместе отойти к Богу". Она же ответила: "Подожди, господин, пока дошью воздух во святую церковь". Он во второй раз послал сказать: "Недолго могу ждать тебя". И в третий раз прислал сказать: "Уже умираю и не могу больше ждать!" Она же в это время заканчивала вышивание того святого воздуха: только у одного святого мантию еще не докончила, а лицо уже вышила; и остановилась, и воткнула иглу свою в воздух, и замотала вокруг нее нитку, которой вышивала. И послала сказать блаженному Петру, нареченному Давидом, что умирает вместе с ним. И, помолившись, отдали они оба святые свои души в руки Божий в двадцать пятый день месяца июня.

После преставления их решили люди тело блаженного князя Петра похоронить в городе, у соборной церкви пречистой Богородицы, Февронию же похоронить в загородном женском монастыре, у церкви Воздвижения честного и животворящего креста, говоря, что, так как они стали иноками, нельзя положить их в один гроб. И сделали им отдельные гробы, в которые положили тела их: тело святого Петра, нареченного Давидом, положили в его гроб и поставили до утра в городской церкви святой Богородицы, а тело святой Февронии, нареченной Ефросинией, положили в ее гроб и поставили в загородной церкви Воздвижения честного и животворящего креста. Общий же их гроб, который они сами повелели высечь себе из одного камня, остался пустым в том же городском соборном храме пречистой Богородицы. Но на другой день утром люди увидели, что отдельные гробы, в которых они их положили, пусты, а святые тела их нашли в городской соборной церкви пречистой Богородицы в общем их гробе, который они велели сделать для себя еще при жизни. Неразумные же люди как при жизни, так и после честного преставления Петра и Февронии пытались разлучить их: опять переложили их в отдельные гробы и снова разъединили. И снова утром оказались святые в едином гробе. И после этого уже не смели трогать их святые тела и погребли их возле городской соборной церкви Рождества святой Богородицы, как повелели они сами – в едином гробе, который Бог даровал на просвещение и на спасение города того: припадающие с верой к раке мощами их щедро обретают исцеление. Мы же по силе нашей да воздадим похвалу им.

Радуйся, Петр, ибо дана тебе была от Бога сила убить летающего свирепого змея!
Радуйся, Феврония, ибо в женской голове твоей мудрость святых мужей заключалась!
Радуйся, Петр, ибо, струпья и язвы нося на теле своем, мужественно все мучения претерпел!
Радуйся, Феврония, ибо уже в девичестве владела данным тебе от Бога даром исцелять недуги!
Радуйся, прославленный Петр, ибо, ради заповеди Божьей не оставлять супруги своей, добровольно отрекся от власти!
Радуйся, дивная Феврония, ибо по твоему благословию за одну ночь маленькие деревца выросли большими и покрытыми ветвями и листьями!
Радуйтесь, честные предводители, ибо в княжении своем со смирением, в молитвах, творя милостыню, не возносясь прожили; за это и Христос осенил вас своей благодатью, так что и после смерти тела ваши неразлучно в одной гробнице лежат, а духом предстоите вы перед владыкой Христом!
Радуйтесь, преподобные и преблаженные, ибо и после смерти незримо исцеляете тех, кто с верой к вам приходит!

Мы же молим вас, о преблаженные супруги, да помолитесь и о нас, с верою чтущих вашу память!

Помяните же и меня, прегрешного, написавшего все то, что я слышал о вас, не ведая – писали о вас другие, сведущие более моего, или нет. Хотя и грешен я, и невежда, но на Божию благодать и на щедроты его уповая и на ваши молитвы к Христу надеясь, работал я над трудом своим. Желая вам на земле хвалу воздать, настоящей хвалы еще и не коснулся. Хотел вам ради вашего кроткого правления и праведной жизни сплести венки похвальные после преставления вашего, но по-настоящему еще и не коснулся этого. Ибо прославлены и увенчаны вы на небесах истинными нетленными венками общим владыкой всех Христом. Ему же подобает вместе с безначальным его Отцом и с пресвятым, благим и животворящим Духом всякая слава, честь и поклонение ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.
